

Трещины существуют на грани невозможности, но всё же существуют. Они существуют в движении: достоинство — танец для быстрых ног.

С одной стороны — стремление сломать логику капитала: стремление создать моменты или пространства достоинства и созидательного отказа. С другой стороны — огромная сплочённая сила капитала: глубокая трясина, которая затягивает нас в конформность, которая поглощает наши усилия вырваться, которая говорит нам снова и снова: «Беги, если хочешь, у нас свободное общество, но выхода нет, выхода нет, выхода нет».

Самое настоящее и постоянное столкновение. Мы снова и снова бросаемся к наступающим стенам, получая раны. Мы кричим, пока по льду не пойдут трещины, а затем наблюдаем, как лёд снова замерзает. Наши трещины существуют, но они существуют на грани невозможности. Утрата иллюзий и разочарование всегда не за горами: они вписаны в попытку создать другой мир^[1]. Это не должно удивлять нас, потому что объективно оно всегда с нами: мы всегда стараемся изо всех сил, всегда пытаемся совершить невозможное, всегда пытаемся сломать логику системы, всегда побаиваемся — а вдруг они правы, а вдруг мы сумасшедшие? Мы потратили годы на создание альтернативного пространства, а затем осознали, что оно не так уж и альтернативно, что иные социальные отношения, которые мы строим, вовсе не такие уж иные. Мы вкладываем все свои силы в разрушение логики капитала, затем озираемся спустя три года и спрашиваем — «а где прорыв-то?» И это хождение по краю разочарования — это и есть достоинство в обществе, основанном на его отрицании.

Логика капитала, этой великой разрушительной силы социального синтеза, говорит нам о том, что в обществе, основанном на отрицании достоинства, достоинству нет места. Всё должно подходить друг к другу — таково великолепие денег. И это столь гибкая форма подгонки вещей друг к другу, что любой вид деятельности согнётся под его владычеством.

И всё же это не так. Мир полон неподходящих людей — людей, которые говорят: «Мы под это не подходим, и мы не должны под это подходить». Мы увидели огромную сплочённую силу капитала: как через государство, через наши собственные практики и, прежде всего, через деньги, он возвращает нас к своей логике, находит способ вставить наши восстания в неумолимый пазл системы. И тем не менее, вот они, они повсюду, эти самые кусочки пазла, которые так просто не подходят. Снова и снова логика говорит нам, что наши восстания бесполезны, что мы должны подчиниться, и тем не менее, кусочки пазла повсюду — эти безумства, которые сподвигают нас к иному миру, эти достоинства, которые не будут ждать свершения революции.

И вот они, и так оно и есть, и так и должно быть. Так и должно быть, потому что это не просто логика капитала, но и антилогика гуманизма, отказа, движения внутри, против и за пределы капитала. Восстание неотделимо от послушания, а неугодные — от годных.

Мы начинаем с импульса ярости, надежды и творчества. Мы пытаемся преодолеть ограничения угнетающего нас общества, чтобы преодолеть душасщее нас господство, чтобы создать нечто иное. И это не вопрос чистоты, поскольку любая трещина будет воспроизводить в себе треснувшее. Это вопрос движения, вопрос направления. *Движение — вот, что имеет значение. Возможность появления трещин заключаются в их движении.*

Например, подумайте о кооперативах или захваченных фабриках. В отдельности взятие фабрики под контроль работников имеет ограниченное значение: все подвижки рынка в эту сторону будут нести тенденцию по наложению ограничений, служащих пределом мере, в которой работники смогут радикально изменить характер своей деятельности на фабрике или предприятии. Именно в рамках движения борьбы занятие фабрики становится важным, ведь тогда появляется возможность открыть новые формы отношений с пользователями продуктов, так как работа ориентирована не только на анонимный рынок, но и на удовлетворение определенных социальных потребностей. Оккупация фабрики рабочими не создаёт стабильного некапиталистического пространства, но она может быть значительной частью движения против капитала и против навязывания капиталистической дисциплины. Важно понимать настоящее напряжение — оккупацию фабрики, как движущееся и открытое настоящее, а не как закрытое, изолированное мгновение. Рабочие берут под контроль фабрику: вот что важно, вне зависимости от того, что произойдёт позже. Но если происходит целая серия захватов фабрик, то опыт приобретает новое измерение. Мы зажигаем спичку: она даёт свет и тепло, но если от упавшей искры загорается целый лес, то пламя приобретает иное значение. Я отказываюсь идти на работу и вместо этого сижу в парке и читаю книгу: это удовольствие, которое не требует оправдания; но если все остальные решат сделать то же самое, капитализм рухнет.

Обоснованность разрыва не зависит от будущего, но его значимость может измениться, будь он частью движения. Мы бросаем камень в ледяной покров озера возможности. Этот камень проделывает дыру во льду, но этот лёд толст, этот день холоден, и вскоре дыра снова замерзает. У нас остались вдохновляющие воспоминания о чём-то прекрасном. Мы увидели проблеск возможного будущего. Мы бросаем ещё один камень, и на этот раз мы не только проделываем дыру — в разные стороны от неё разбегаются трещины, причём некоторые из них соединяются с трещинами, выходящими из отверстия, проделанного кем-то другим. Если нужно полностью разбить лёд, то это может быть проделано только так: множество людей бросают камни и вырывающиеся трещины иногда соединяются.

Восстание порождает ударные волны, расширяет волны антагонизма. Получающиеся трещины никогда не бывают прямыми, их движение редко предсказуемо. Они проходят вдоль в той или иной мере невидимых линий разломов, слабых мест в структуре льда. В том, как устроено общество, есть нечто такое, что означает наличие определенных черт слабости или особой хрупкости. Подчинение нашей повседневной деятельности принципу денег (капитала) означает, что в нашей повседневной жизни существует фрустрация — антагонизм, который принимает много различных форм и существует как множество взаимосвязанных линий разломов. Это сеть линий разломов, которой мы хотим коснуться, это трещины и потенциальные трещины, которые мы хотим открыть.

Посмотрите на трещину в стене. На одном конце она хорошо видна, а на другом конце так тонка, настолько мала, что нам приходится напрячь глаза, чтобы увидеть, где она заканчивается. Но трещина простирается и расширяется вдоль той тонкой линии, которая едва видна нам. Если мы сосредоточимся только на том конце, который виден чётко, то ничего не поймём о потенциале трещины, о том, как она может быть продолжена. Существует линия преемственности между очевидным и едва видимым. Линии непрерывности — это линии потенциального движения и возможного слияния. Очевидным концом трещины является восстание сапатистов или грандиозные демонстрации против саммитов. Тонкий конец — женщина, которая сидит за столом на кухне и с энтузиазмом читает о недавних антиимпериалистических демонстрациях, или девушка, которая вместо того, чтобы идти на работу, сидит в парке и читает книгу — просто для собственного удовольствия. Есть ли у этих мелких трещин потенциал расширения в большие трещины? Этого мы не знаем, не можем этого знать заранее. Женщина, читающая за кухонным столом, может пойти на следующую демонстрацию — а может и не пойти. Девушка, читающая свою книгу в парке, может прийти к выводу, что с обществом, среди принципов которого нет удовольствия, что-то в корне не так — а может и не прийти. Но всё это — линии преемственности, от которых зависит будущее этого мира. Именно здесь и идёт война. Капитал — это постоянный процесс блокирования данных преемственностей, разделения людей на блоки, сообщений женщине за кухонным столом, что её фрустрация не имеет ничего общего с гневом демонстрантов на «Большую восьмёрку» — и в данном процессе «левые», с их определениями и классификациями, часто играют активную роль.

Но есть ли в этом проблема? Разве мы не должны также создать различия, установить разграничения? Эта книга началась с измученного вопля «что мы можем сделать, что мы можем сделать, чтобы изменить мир?» Подходят ли ответы: «иди и посиди в парке», или «присоединись к местному хору», или «отправляйся в поход в горы»? Нет. Ответ скорее «надо бунтовать теми способами, которыми мы можем». Но самое главное — не просто вскричать в порыве революционной ненависти к капитализму, а способы, которыми мы пытаемся развиваться в нашей повседневной практической деятельности, не подходящей для сплочённой трясины капиталистической деятельности.

Но как мы узнаем, что наша деятельность неподходяща капитализму — или же она просто дополняет его развитие? Самая трудность заключается в том, что мы не знаем. Мы анализируем это, мы думаем об этом, но мы не можем знать наверняка. Более того, наша оценка того, что ломает, а что дополняет капитализм, постоянно меняется. В прошлом веке тысячи, а возможно, и миллионы людей отдали свои жизни борьбе за разрушение логики капитала и создание иного общества. А теперь мы смотрим на результаты — Советский Союз, Китайская Народная Республика и т.д. — и подозреваем, что их жизни, отданные борьбе, скорее укрепили капитализм, чем нанесли ему урон. Порой кажется, что капитализм бесконечно гибок, бесконечно поглощающ и что любое восстание будет запросто абсорбировано. Посмотрите на 1968 год, — говорят. Вся эта ярость и вся эта креативность просто заложили основу для нового стиля капитализма^[2]. Посмотрите на все те автономные группы, которые начинаются как восстания против капитализма, а потом, с помощью нескольких умягчающих субсидий, небольшого обучения и нескольких профессиональных советов, превращаются в

неправительственные организации, ключевые элементы управления неолиберализмом^[3]. Взгляните на все эти восстания против жесткой темпоральности рабочего дня, которые капитал запросто поглотил, сделав рабочий день гибким и распространив его на всю жизнь людей. Не будьте такими наивными, — говорят, — спасения нет.

И всё же это не так. Это не так просто, потому что обоснованность и необходимость нашего восстания не зависит от его будущего. Событие, которое мы знаем как «1968», принесло радость и креативность, которые не нуждались в оправдании с точки зрения их конечных результатов. А во-вторых это не так, потому как неправда, что капитализм бесконечно гибок — это особый способ организации наших социальных взаимоотношений и нашей деятельности, и многие из примеров, что мы уже видели, предполагают, что капитализм становится более жёстким, менее терпимым, менее способным поглощать восстание. Неподходящесть становится всё более и более главной стороной повседневного существования. И хотя трудно с уверенностью сказать о способности какого-либо конкретного действия порывать с капиталом, у нас есть чёткое представление о том, что мы отвергаем, о действиях и формах поведения, которые явно способствуют воспроизводству капитала — это трактовка людей в качестве средств достижения прибыли, отношение к людям, как к объектам, а не субъектам, отношение к ним, как к средствам достижения цели, а не как, собственно, к целям. Наши достоинства всегда движутся и протостоят, исследуют за пределы, в которых мы рискуем своими жизнями, чтобы порвать с тем, что мы уверенно отвергаем, и создать нечто, к чему мы с неопределённостью стремимся. Неопределённость нашего созидания не является основанием для того, чтобы сдаваться, поскольку она основана на уверенности в нашем отказе.

И в-третьих, это не так, потому что, даже если капитал со временем сможет поглотить большинство вещей, это не имеет значения, потому что к тому времени мы уже переместились. Мы ведём в танце, а капитал следует. Достоинство — это танец для быстрых ног. И чем быстрее темпа, тем капиталу труднее следовать танцу. Тождество — это постоянная идентификация нетождеств, но нетождество всегда остаётся на шаг впереди. Достоинство — это прыжок, скольжение, вращение. Танец, а не строевая подготовка. Капиталу трудно этому следовать и поглощать это.

Таким образом, нам не нужны жёсткие линии, потому что жёсткие линии и чёткие различия препятствуют танцу достоинства. Конечно, есть разница между грандиозным народным восстанием и девушкой, сидящей в парке и читающей свою книгу. В одном случае наблюдается открытая и публичная декларация восстания, в другом — совершенно частный, деполитизированный момент удовольствия. Но если мы ограничиваем свой взгляд лишь публичным и открытым, то мы ограничиваем наше видение, а вместе с тем и влияние наших достоинств. Вот, что мы делаем. По факту мы воспроизводим капиталистическое разграничение между государственным и частным, в то время как наша цель — преодолеть это различие. Возможно, мы хотим, чтобы девушка в парке восстала и боролась вместе со всеми за мир, в котором мы все могли бы проводить в парке гораздо больше времени — читая наши книги или делая то, что хотим — но если мы не сможем осознать и уважить нынешний потенциал данной борьбы, заключающейся в чтении этой девушкой её книги, тогда мы фактически закрываем

глаза на потенциальное продвижение трещины. Мы препятствуем потенциальному распространению нашей трещины, заключая самих себя в гетто.

В этом заключается опасность воинственности или активизма. Грандиозные публичные проявления бунта или достоинства (Глениглз, Хайлигендамм и т.д.), конечно же, являются результатом убеждённой воинственности или активизма, результатом деятельности многих людей, большую часть своей жизни посвятивших организации антикапиталистических акций. Большинство из них не являются профессиональными революционерами в старом стиле. Однако это люди, которые ставят организацию борьбы с капиталом в качестве одного из главных приоритетов своей жизни. Без такой преданности не состоялись бы многие из великих протестов^[4]. Опасность, однако, кроется в том, что возможно создать самореферентный мир воинственности или активизма. Это может проявиться в очевидно институционализированной форме в ходе создания партии или какой-либо другой постоянной организации, но даже если этот тип институционализации отвергается, опасность остаётся. Внимание к великим публичным проявлениям достоинства может легко привести к отсутствию чувствительности или даже к полному отсутствию уважения к менее заметным проявлениям восстания. Если это произойдет, мы окажемся в ситуации авангардизма, какой бы сильной ни была антиавангардистская приверженность бойцов^[5]. Мир разделяется на две стороны — на борцов за перемены, и на огромную массу людей, которых надо убедить. Данный аргумент здесь не является контраргументом важности того, что делают активисты. Это, разумеется, не аргумент против активистов, но, что самое важное, это аргумент за «слом разделения на «активистов» и «неактивистов» (Trott 2007: 231)^[6].

Соотношение между видимым и невидимым (или едва видимым) бунтом можно представить двумя способами. Первый способ — воспринимать всерьёз следует только видимые, публичные восстания. Вне этого существует барьер или разрыв, за пределами которого остаётся подавляющее большинство людей. До этих людей ещё нужно достучаться — путём обучения, объяснений, бесед. Главный вопрос — это сознательность и её отсутствие. Второй способ — думать, что нет никакой пропасти, нет барьера, а есть линии преемственности, тянущиеся от великих неповиновений к крошечным, очевидно незначительным неповиновениям. Главный вопрос здесь не в сознательности, а в чувствительности — в способности распознавать неочевидные неповиновения, и в способности прикоснуться к этим неповиновениям. Сознательность или понимание, безусловно, играют свою роль, но речь идёт не о том, чтобы привнести сознательность извне, а о том, чтобы извлечь то, что уже присутствует в неразвитой форме, вызвать взаимный резонанс у разных переживаний. Это приводит нас к политике не говорения, а выслушивания, или же выслушивания-и-говорения, к политике диалога, а не монолога.

Политика выслушивания противоречит любой форме институционализации, будь то партия или нет. Учреждения обычно имеют правила или практики, определяющие ожидания и настраивающиеся на определённые голоса, и ни на какие другие. Учреждения не очень хорошо слушают, даже когда пытаются это делать. Линии антагонизма (классовая борьба, если хотите) движутся быстрее, чем любое учреждение, и любая попытка институционализировать или связать их, вероятно, станет препятствием, заглушит такое движение. Необходимо обозначить

важное различие между институционализацией, проецирующей настоящее на будущее и навязывающей определения и ограничения, и организацией, в основе которой лежит открытая и эффективная координация действий^[7]. Конечно, нам нужны формы организации, но важно, чтобы организационные формы были максимально открытыми и восприимчивыми. Слияние наших достоинств важно, но, возможно, это следует рассматривать как слияние резонанса, попытки играть в одной тональности: джазовые музыканты, которые собираются ради удовольствия вместе, и без солиста учатся объединяться в единой тональности и играют в противоречивой гармонии — каждый со своим собственным стилем развития тем и вариаций.

Можно подумать, что любая попытка выслушать или прикоснуться к опыту крошечных трещин (скажем, девушки, читающей свою книгу в парке) означает потерю радикальности, превращение революции в нечто мягкое и беззаботное^[8]. Это совсем не так. Крошечные, подповерхностные восстания могут быть гораздо более радикальными в своем потенциале, чем самая шумная демонстрация. Девушка, читающая свою книгу в парке, беззвучно говорит: «Живи для удовольствия, а не для боли». Это гораздо более радикальный лозунг, чем лозунги огромной антиамериканской демонстрации, проходящей в то же время. Проблема не в степени радикальности, а в том, чтобы касаться нервов, направлять гнев и мечты, находить резонансы.

Наши достоинства — это достоинства в движении, трещины, которые распространяются^[9]. Но распространение не является вопросом увеличения количества членов партии или роста числа сторонников. Распространение также не вопрос проповедования или бесед, хотя это может сыграть свою роль. Вероятно, более полезно думать о заражении, эмуляции и резонансе. Движение социальных центров распространилось в основном не благодаря тому, что члены одного социального центра ехали в другой город и убеждали людей создавать социальный центр, а благодаря тому, что последние слышат о социальном центре первых (или видят его), впечатляются и решают создать нечто подобное в своем городе^[10]. В ходе данного процесса заражения оратор на трибуне дополняется или заменяется уличным театром. Если главная проблема не столько в том, чтобы убедить или объяснить, сколько в том, чтобы коснуться недовольства, которое уже присутствует, то искусство, театр и музыка играют особенно важную роль. Именно поэтому эстетический элемент проявлений бунта стал играть столь важную роль в последние годы^[11]. Театр, поэзия и юмор были ключевым элементом воздействия как сапатистов, так и других движений, причем не в качестве инструментов движения, а как центральный элемент самого движения.

Трещины в капиталистическом господстве существуют. Логически, возможно, их нет и быть не может. Но они есть. Они существуют, и они часто обладают необыкновенной энергией и творчеством, перенося нас в новые измерения понимания и восприятия^[12]. Трещины в дорожном покрытии, и мы — сорняки, прорастающие сквозь них. В холодном мире мы — солнце, льющее свой свет на лёд, создающее трещины, могущие двигаться с ужасающей и непредсказуемой скоростью. Или не могущие.

Старые революционные закономерности исчезли. Мы больше не можем с уверенностью заявлять, что наша победа неизбежна. Мы признаём, что живём в мире неопределённости и

растерянности, но можем ли мы найти способ понять нашу неопределённость и растерянность? В истории нет определённости, но есть ли какой-то способ, посредством которого мы можем понять умножение трещин или даже факт, что мы здесь говорим о трещинах, как части мощного исторического или антиисторического течения? Можем ли мы понять трещины не только как бесконечную серию атак на социальный синтез капитализма, но и как кризис этого синтеза?

1. Для довольно разнообразных размышлений о трудностях движения в нынешней ситуации, см. Colectivo Situaciones (2009). [↗](#)
2. Обсуждение влияния событий 1968 года на развитие капитализма см. у Boltanski and Chiapello (1999/2007). [↗](#)
3. В том же духе см. Böhm, Dinerstein and Spicer (2010), а также Birkner (2007) и Birkner and Foltin (2006). [↗](#)
4. Большие протесты против саммитов часто подготавливаются убеждёнными активистами, и занимает это более года интенсивного планирования. Разносторонние доклады об усилиях, связанных с подготовкой к саммиту в Глениглсе, см. у Harvie et al. (2007). [↗](#)
5. По этому вопросу см. Zadnikar (2009), Leeds May Day Group (2004) и Holloway and Sergi (2007). [↗](#)
6. По проблеме в целом см. статью Ben Trott (2007) и статью, написанную в 1999-м, после демонстрации J-18, «Брось активизм» (Andrew X 1999). [↗](#)
7. Аналогичным образом Zibechi (2006: 124 и далее) различает движения в виде институции и движения в виде перемещений (*Movimiento como institución y como moverse*). К вопросу о создании сетей в качестве формы слияния движений см. Juris (2008). [↗](#)
8. О совсем другом подходе см. Žižek (2004). [↗](#)
9. Так и говорят члены кооператива Nuevo Horizonte в Гватемале: «Если нет больше Оризонти, то мы будем как капля пресной воды в море и оно нас поглотит». Из видео о Нуэво-Оризонти: <http://intercontinentalcry.org/nuevo-horizonte/>. [↗](#)
10. О социальных центрах см. Free Association (2006), Hodkinson and Chatterton (2006). [↗](#)
11. Об этом см., например, Kastner and Spörr (2008). [↗](#)
12. Я пишу это после крайне впечатляющей недели, проведённой в деревне сапатистов в Овентике, где я беседовал с молодёжью, новым поколением мятежников. [↗](#)